

165. Федорова И. К. Следы шаманизма в фольклоре полинезийцев//Актуальные проблемы развития Австралии и Океании. М., 1984.
166. Федорова И. К. Иероглифические тексты острова Пасхи и «чтения» Меторо (материалы для дешифровки)//Древние системы письма. Этническая семиотика. М., 1984.
167. Чеснов Я. В. Современные данные о происхождении и характере океанийского земледелия//Проблемы изучения Австралии и Океании. История, экономика, этнография. М., 1976.
168. Членов М. А. Население Молуккских островов. М., 1976.
169. Шамширов В. Н. Анкетное обследование в новогвинейской деревне Бонгу (предварительные результаты)//Полевые исследования Ин-та этнографии АН СССР. 1977. М., 1979.
170. Шафрановская Т. К., Азаров А. И. Каталог коллекций отдела Австралии и Океании МАЭ//Сб. МАЭ. Т. 39. Л., 1984.
171. Шафрановская Т. К., Комиссаров Б. Н. Материалы по этнографии Полинезии в дневнике Е. Е. Левенштерна//СЭ. 1980. № 6.
172. Шнирельман В. А. Собиратели саго//Вопросы истории. 1983. № 11.
173. Шнирельман В. А. Классообразование и дифференциация культуры (по океанийским этнографическим материалам)//Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
174. Шнирельман В. А. Международный симпозиум «Культура и история в бассейне Тихого океана»//СЭ. 1987. № 5.
175. Alexejev V. P. Craniological material from New Guinea, Indonesia and the Malayan Peninsula//Anthropologie. V. XI. № 3. Brno. 1973.
176. Kryukov M. V. Transformation of traditional social organization in Oceania and influence of demographic factor. М., 1975.
177. Matka Oseaniaan. Journey to Oceania... Catalogue written by D. D. Tumarkin, A. I. Azarov, L. A. Ivanova, B. N. Putilov, E. S. Soboleva. Helsinki, 1987.
178. Puchkov P. I. The ethnic processes in Oceania//Races and Peoples. М., 1974.
179. Putilov B. N. Contemporary music of the Maclay Coast//The Performing Arts. Music and Dances. The Hague; P.; N. Y., 1979.
180. Putilov B. N. Nokolaj Miklouho-Maclay. Traveller, Scientist and Humanist. М., 1982 (то же на русск. яз.: М., 1985).
181. Svet Y. M., Fedorova S. G. Captain Cook and the Russians//Pacific Studies. V. 2. № 1. Laie, Hawaii, 1978.
182. Tumarkin D. D. Bongu: Hundert Jahre sociale und kulturelle Wandlungen in Neuguinea//Ethnographisch-Archaeologische Zeitschrift. B., 1982. № 1.
183. Tumarkin D. D. Miklouho-Maclay and New Guinea//N. Miklouho-Maclay Travels to New Guinea. Diaries. Letters. Documents. М., 1982.
184. Tumarkin D. D. Nikolai Miklouho-Maclay: 19th-century Russian anthropologist and humanist//Royal Antropol. Inst. News. L., 1982. № 51.
185. Voitov V. I., Tumarkin D. D. Navigational conditions of sea routes to Polynesia//Archaeology at the Eleventh Pacific Science Congress, Honolulu, 1967.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

К. В. Чистов. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л. 1986. 304 с.

Книга К. В. Чистова «Народные традиции и фольклор» посвящена проблемам теории фольклористики, а также практике научного исследования. Книга воспринимается читателем как итог многолетней деятельности автора и как программа его дальнейших разысканий. Некоторые разделы книги были опубликованы ранее, на разных языках и в разных, часто труднодоступных изданиях, и сейчас, вкупе с другими разделами, воспринимаются иначе — глубже и разностороннее. Таким образом, труд К. В. Чистова создавался не сразу, а возникал параллельно с развитием основных концепций автора, со становлением современного научного подхода к народному творчеству. В нашей гуманитарной науке последних десятилетий немалую роль сыграли исследования К. В. Чистова, посвященные давним вопросам соотношения этнографии и фольклористики, фольклора и духовной культуры в целом, от которых зависят и определение границ ряда смежных наук, и их внутренняя структура.

К новой постановке этих вопросов и их разрешению К. В. Чистов приступает начиная с определения понятия «этнос» и с обращения к проблемам этнического сознания, этнического единства, этнического облика народа. Он подчеркивает, что духовная культура каждого народа — не только составная часть его культуры как целого, «но и находится под сильнейшим и непосредственным воздействием того, что мы называем этническим сознанием», а это сознание оказывается «не только результатом, но и одним из факторов, воздействующих на этнические процессы (их направление, темп, содержание и т. д.), особенно в области духовной культуры» (с. 21). Активная роль этнического сознания в сфере духовной культуры раскрывается также

в разделе «Фольклор и культура этноса», где справедливо отмечается, что «для обществ архаического типа характерно нерасчлененное, синкретическое состояние духовной культуры», поэтому фольклорные формы в таком случае тесно переплетаются с разными комплексами, порождающими «различные ветви духовной культуры — обряды, верования, религию, мифы, исторические представления, науку, песни, нарративные жанры и т. д.». Солидаризируясь в этом мнении с Е. М. Мелетинским и рядом других фольклористов и этнографов и развивая идеи В. Я. Проппа, К. В. Чистов поясняет, что «фольклор на архаической стадии играет... роль стабилизатора различных форм деятельности при помощи словесных текстов» (с. 33). Фольклор, однако, после раннего, «синкретического» состояния переживает несколько стадий развития, начинает бытовать в условиях культурного дуализма, т. е. параллельно с нефольклорными формами культуры, которые все больше утверждаются за счет форм народных, не книжных, незлитарных. Сам же фольклор все более внутренне дифференцируется, отслаивается от народной религии, мифологии, науки, развивает сложную систему жанров, в которой доминирующее место занимают жанры с эстетической функцией (эпические песни, сказания, сказка, любовная лирика). Рассматривая судьбу фольклора в эпоху становления нации и в последующий период, К. В. Чистов отмечает, что «только нефольклорные способы трансмиссии могут придать отдельным фольклорным произведениям общенациональный масштаб функционирования, который приходит на смену весьма относительному вариационному единству, наблюдавшемуся в прошлом» (с. 42). С этим утверждением перекликается другое, к сожалению, далеко не всегда учитываемое и принимаемое фольклористами, а именно то, что отдельные фольклорные явления и формы не распространены равномерно по всей этнической территории и во всех социальных слоях, потому что «фольклор даже в период национального развития... не вырабатывается, как правило, внутреннего единства и однородности в масштабах и границах всего этноса» (с. 42).

Справедливость суждения о диалектной природе фольклора, локальном характере его явлений и проявлений, его ненормированности и вариативности большинства произведений народного творчества, обрядов и верований едва ли может быть поставлена под сомнение, но все эти черты, вся природа фольклора не означают отсутствия некоторой цельности или общности национального и донационального фольклора, например русского, польского, сербского, — общности не только языковой, что бесспорно, но и формальной и смысловой.

Понятие «единство в многообразии» как нельзя больше подходит к фольклорной ситуации различных этносов в разные периоды их развития. Применимо оно и к языковому ландшафту, и к ситуации у конкретных народов дописьменного периода и периода письменного эпохи средневековья, донационального и национального. Фольклору и языку свойственно состояние диалектного дробления, нестабильного членения, с той лишь разницей, что языку может быть придана литературная форма и установлена для него книжная норма, и тогда язык, прежде всего национальный, приобретает две ипостаси — наречную (диалектную) и книжную (литературную). Эти виды языкового существования, или страты, противостоят друг другу так же, как противостоит фольклор литературе. Изучение диалектной речи в современном и историческом аспекте имеет свою специфику и свои методы анализа, отличные от методов анализа литературного языка. Это же можно сказать и о фольклористике и литературоведении. Критерий художественности, господствующий в литературоведении, в фольклористике в целом ряде случаев неприменим, применим в последнюю очередь (после использования ряда других подходов) или даже противопоказан, так как может лишь увести в сторону от основных задач (например, в случаях выяснения генезиса фольклорного текста, его функциональной направленности, соотношения фольклорного обрядового текста и действия и т. п.). В той же самой мере проблема художественности диалектной речи, ее эмоциональности отступает на второй план перед проблемами географического пространства, исторических судеб и корней, функционирования народных говоров, их фонетического, грамматического и лексического строя. Именно проблема структуры народного говора сближает диалектолога с грамматистом, изучающим формальную сторону литературного языка, а вопросы системы жанров и их поэтических и тематических особенностей в равной мере близки фольклористике и литературоведению.

Мне представилось допустимым такое отклонение от прямой задачи — оценки книги К. В. Чистова — лишь потому, что в самой книге ставится вопрос о взаимозависимости и изоморфности структуры и отдельных блоков различных сфер народной культуры в целом, и духовной культуры в особенности, в частности языка, фольклора, верований и обрядов, народных устоев, обычаев и т. п. Более того, К. В. Чистов находит общность методов исследования таких дисциплин, как фольклористика, языкознание и этнография, успешно применяет отдельные частные языковедческие методы (например, метод формализации текста на основе выделения тем и рем Ф. Данеша) к решению чисто фольклористических задач.

Проблемы, близкие к лингвистическим и этнографическим, встают перед К. В. Чистовым, когда он рассматривает этнические аспекты славянской фольклористики (так и называется четвертый раздел первой части книги). По мнению автора, для того чтобы выяснить, имеет ли славянская фольклористика теоретическое обоснование и свой строго очерченный и однородный предмет, нужно определить, какова мера славянской общности, как проявляется эта общность в сфере фольклора, и, наконец, представляет ли фольклор славянских народов некое единство. Положительный ответ на последний вопрос основывается на ряде моментов. К ним относятся генетическая общность, родственность и близость славянских языков, общеславянское самосознание. Но наиболее существенными оказываются выработанные К. В. Чистовым рекомендации по выяв-

лению традиционных и нетрадиционных явлений, а также этнических и межэтнических элементов (показателей), способных дифференцировать фольклор разных этносов. Некоторые формы культуры могут быть традиционного, а некоторые вторичного происхождения, при котором возникают формы квазиподобные, регенерированные, обобщенные и др. (этому интересному явлению посвящен третий раздел первой части книги). Сходные элементы не обязательно оказываются генетически родственными, они могут быть тождественны в результате типологического схождения, параллельного развития и независимого друг от друга возникновения.

Этническое своеобразие культуры отдельного народа или группы родственных народов не должно строиться только на уникальных элементах или чертах, неповторимых и не представленных у других народов.

Разграничение отдельных этнических и межэтнических (моноэтнических и полиэтнических) элементов следует производить не произвольно, а на различных уровнях сопоставления». Это могут быть уровень элементов, «комплекса элементов» (в фольклоре — сюжетов), и уровни более высокой или низкой «фольклористической абстракции» (с. 74), и отдельно группа уровней, связанных с языком, поэтикой, стихосложением, стилистикой и с особыми, отработанными стереотипными формулами.

Нетрудно заметить, сколь близки новаторские идеи К. В. Чистова к отдельным фундаментальным положениям современного структурного языкознания, пришедшего в некоторых отношениях на смену традиционной лингвистике. Так, наиболее авторитетные представители современной славянской диалектологии, в частности сербский академик П. Ивич, настаивают на принципе выделения диалектов не по одному ведущему или наиболее яркому признаку, а по сумме дифференциальных признаков. Различия в этих суммах и могут служить показателем степени близости или отличия диалектов. Принцип этот применяется к различным уровням языка, притом уделяется особое внимание вопросам соотношения уровней. Заслуга К. В. Чистова, однако, не в том, что он использовал некоторые приемы, близкие к лингвистическим, а в том, что он самостоятельно на фольклорном материале выработал сходную методику, доказав тем самым актуальность создания и полезность применения междисциплинарной научной методологии. Следует при этом отметить, что язык — и более простая, и более внутренне замкнутая и организованная система знаков и символов, чем фольклор, который является осложненной, вторичной по отношению к языку системой, имеющей несколько функций, из коих функция общения играет второстепенную, опосредованную роль. Фольклор — не средство коммуникации или не только средство коммуникации, а, как справедливо отмечает К. В. Чистов, форма интегрированной, закрепленной и аккумулятивной традиционной информации, выработанной этносом и его локальными группами. «Фольклор — это специфический „язык“ традиционной культуры, отличающийся от других „языков“ — орнамента, мелоса, знаковой и символической информации, передававшейся вещами — предметами материальной культуры и т. п.» (с. 8).

Вторая часть книги К. В. Чистова посвящена проблеме варьирования в фольклоре. Для собирателя фольклора, издателя, исследователя его бытования, развития и функционирования эта проблема — основная. Во многих отношениях вариативность фольклорных текстов имеет общее с языковой вариативностью, поскольку близкородственные диалекты и их явления можно считать вариантами одного языка и его явлений. Многие диалектные различия могут восприниматься как варианты или рефлексы одной формы или сущности; как известно, именно на языковом материале возникли понятия варианта и инварианта и выработались принципы их различения. К. В. Чистов противопоставляет варианту стереотип и отмечает, что каждый стереотип помимо «пластичности», т. е. способности адаптивирования в типовых, но все же изменчивых ситуациях, обладает и определенным полем, или диапазоном, вариативности. При этом варьировать могут и модель стереотипа, и его конкретное воплощение в предмете, в акте поведения или обряде, в речевой реализации и т. п. В книге предлагается классификация стереотипов по трем видам: способу существования (обряд, фольклорный текст, одежда, орнамент, постройка и др.), способу трансмиссии (вербальный, предметно-функциональный, аудиальный, визуальный и др.), способам реализации — и подчеркивается, что «сочетание стабильности и вариативности не есть исключительная специфика культуры, тем более традиционно-бытовой культуры, которой специально занимается этнография» (с. 119). Достаточно обратиться к биологии, например к классификации одного вида по внешним признакам, чтобы убедиться, сколь взаимосвязаны и «одновременны» факторы пластичности фенотипа и его варьирования в отдельных особях.

«Человек подвержен тем же законам не только как биологическая особь, но и как социальная личность», — заключает К. В. Чистов. К такому выводу приходили и многие крупные филологи-лингвисты, обогатившие в середине XIX в. языкознание так называемым биологическим подходом к сущности и развитию языка. Абсолютизация этого подхода привела к некоторым неудачам, но его дальнейшая эволюция в чисто лингвистической среде содействовала пониманию структурной обусловленности языковых процессов и языковых явлений. К. В. Чистов приступил первым к серьезной и всесторонней разработке теории вариативности в фольклоре, и ни один исследователь этой проблемы в будущем не сможет обойтись без его работ. Многих предшественников К. В. Чистова можно упрекнуть в односторонности подхода к проблеме стереотипа и вариантов. Одним фольклор казался чрезвычайно устойчивым — суперстабильным, и многочисленные варианты воспринимались как «порча» текста, «изнашивание» текста, нечто, что удаляет текст от идеальной формы. Критерием этой идеальной формы нередко считалась художественность, о чем выше уже шла речь. Но само понятие художественности довольно субъективно, а если считать, что этот субъективизм может быть скорректирован общественным, коллективным восприятием, нельзя не учитывать, что и

это коллективное восприятие меняется со временем. Другие фольклористы, не желавшие игнорировать факт значительной вариативности фольклорных текстов, считали, что фольклор — это сфера постоянных и безграничных изменений отдельных вербальных текстов, сохраняющая относительно неизменными лишь инвентарь и механизм средств их воспроизведения. К. В. Чистов не ставит своей задачей примирить полярные позиции или предложить нечто среднепропорциональное из двух изложенных точек зрения. Он просто показывает, что каждая из этих позиций односторонняя, ибо, по его мнению, «фольклор — явление традиционное, а любая традиция ...это органическое сочетание стабильности и вариативности» (с. 128). Но так как такое сочетание присуще не только фольклору, то следует ряд пояснений автора, определяющих специфику фольклорных традиций. Фольклорная традиция близка к языковой, однако в отличие от последней она «представляет собой передачу и восприятие (т. е. трансмиссию) не только способов и средств воспроизведения текстов, но и самих текстов» (с. 129). И далее: «Фольклорный текст — стабилизатор речевой деятельности, однако повторные акты его воспроизведения приводят к возникновению не копий, а вариантов» (с. 130).

В связи с проблемой воспроизведения вариантов и особенно в связи с позицией некоторых фольклористов, полагающих, что фольклорные тексты подвержены непрерывным изменениям, хотелось бы обратить внимание на то, что следует различать два или даже три вида вариантов. Существуют варианты, обнаруживающиеся у одного и того же певца и сказителя (в пределах идеолекта); варианты, обнаруживающиеся в одном этнически однородном населенном пункте (в пределах микродиалекта); наконец, варианты, обнаруживающиеся в разных населенных пунктах, нередко друг от друга значительно удаленных. Варианты первого и второго вида можно считать внутрисистемными, а варианты третьего вида — разносистемными, или территориальными, вариантами. Картографирование фольклора, которое, к сожалению, еще редко практикуется, показывает, что эти территориальные варианты бывают очень устойчивыми, их можно наносить на карту, и они нередко обрисовывают изодокусы, совпадающие с другими линиями, выделяющими культурный и языковой диалект¹.

Оперирование разносистемными вариантами, т. е. вариантами, относящимися к разным территориям, создает иллюзию неустойчивости, легкой подвижности фольклорного текста. Во многих случаях нужно отказаться от этой иллюзии и признать, что такая «супердинамичность», которую при той же дефектной «методике» можно обнаружить и в языке, — ложная.

Поэтому крайне существенны и важны предостережения К. В. Чистова против искусственных, усредненных вариантов (с. 134—135) и стремление разграничить различные варианты терминологически, называя вариантами лишь такие разновидности текста, которые бытуют только в рамках определенной локальной группы контактного характера, а разновидности «разнолокальные» автор предлагает снабжать эпитетами «региональные», «этнические», «национальные», «европейские» или пользоваться термином «версия» (с. 137).

Тем не менее и варианты, и «версия» возникают в результате действия одного механизма варьирования, который, по наблюдениям автора, сводится к тому, что осуществляется определенный выбор возможностей, находящихся в синонимических отношениях. При этом такой выбор оказывается сложным и многоступенчатым и в то же время ограниченным стабилизирующими факторами. Наблюдения эти весьма интересны и перспективны, потому что положение о синонимичности как основе, на которой развиваются варианты и версии, может быть распространено и на структуру обряда. Обряд, использующий три кода, или три «языка» — вербальный, акциональный и реальный (т. е. основанные на слове, действии и предмете), нередко строится на нанизывании синонимов однокодовых и разнокодовых и на комбинации этих синонимов, о чем нам уже приходилось писать в связи с ритуалами вызывания дождя. К анализу этих разных комбинаций зачастую и сводятся исследования по структуре обряда. При этом, как правило, невозможно предпочесть одну комбинацию другой и выделить какие-нибудь комбинации как «более совершенные» или «более художественные», «более ритуальные» (исключением являются дефектные записи или «стертые», полузабытые ритуалы, искусственно возрождаемые). И при этнографическом, и при структурно-типологическом подходе критерий «совершенности» или «художественности» оказывается несостоятельным. Поэтому принципиально важной является позиция К. В. Чистова, высказанная им в разделе «Вариативность и поэтика фольклорного текста». Ее суть сводится к тому, что варианты фольклорных произведений «принципиально равноценны», что текст фольклорного произведения динамичен, а словесные воплощения этого текста варьируют по отношению друг к другу, а не к какому-то вымышленному «исходному» или «нормальному» тексту². Нам кажется, однако, что эти положения не противоречат задаче

¹ Такая четкая привязанность вариантов к определенным территориям была отмечена нами в Полесье при картографировании славянской народной баллады «Тополина» (в русском варианте «Рябина»), точнее, минимального отрывка текста с альтернативными словосочетаниями: посылала мать невестку жито жати или лен рвати (см. Материалы к Полесскому этнолингвистическому атласу. Опыт картографирования. Н. И. Толстой. Невестка стала в поле тополем («тополей»)/Славянский и балканский фольклор. М., 1986. С. 39—44).

² Эти положения были предметом дискуссии на съезде славистов в Киеве. См. IX Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Фольклористика. Историческая проблематика. Круглые столы. Киев, 1987. С. 10—13.

реконструкции «исходного» или «основного», «инвариантного» текста, который, естественно, окажется не реальностью, а неким конструктом. Не препятствуют они и так называемому идейно-эстетическому подходу, который может осуществляться при создании антологий, при художественных переводах и т. п.

Третья часть книги — «Фольклор и история» — насыщена конкретными материалами и наблюдениями, связанными с проблемой повторяемости фольклорных сюжетов («легенды об избавителе»), датировки фольклорных произведений (былины об Илье Муромце, историческая песня «Гнев Грозного на сына»), исторического документа как локального источника (типы документов, вопросы уровня документации), бытования и модификации исторического сюжета (легенда о Максиме Железняке у украинцев и русских).

Научно-методологические принципы К. В. Чистова, изложенные в его известной работе «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.» (М., 1967), подтверждены и дополнены автором в обстоятельном анализе работ Венской этнографической школы о социально-утопических движениях в Европе и на других континентах в XVII—XIX вв.

В заключении книги даны фундаментальный обзор развития этнографии за последние полвека и оценка современных течений и научных направлений в нашей стране.

Книга К. В. Чистова отличается широтой взгляда на предмет этнографии и фольклористики, наличием масштабного культурологического фона во всех теоретических построениях, хорошим знакомством с понятийным аппаратом смежных наук и умелым и абсолютно уместным применением отдельных понятий таких наук, как семиотика, лингвистика, биология, теория информации и коммуникации, культурология, психология. Острое чувство нового сказалось в обращении автора к идеям, связанным со структурой и лингвистикой текста, синтаксиса, семантики и вообще к языку как плану выражения фольклорного текста. Не оставались без внимания и функциональная сторона фольклорного произведения, и сторона структурная. Особое место, как было отмечено выше, заняла проблема стереотипа и вариантов. Она побудила автора отнестись с большой ответственностью к формулировке ряда базовых и сопутствующих им понятий и призывать коллег к такому же отношению к своим трудам.

Н. И. Толстой

НАРОДЫ СССР

Социально-культурный облик советских наций (по материалам этносоциологического исследования). М., 1986. 454 с.

В конце 60-х годов в Институте этнографии АН СССР был создан Сектор конкретных социологических исследований, что положило начало формированию нового научного направления — этносоциологии, появление которой было вызвано объективной необходимостью решения широкого круга проблем в экономике, социальных отношениях, кадровой политике, языке и духовной жизни общества в целом. На конкретном материале этносоциология ставила и предлагала пути решения острых проблем, существующих в межнациональных взаимоотношениях, пыталась выяснить, как и насколько интенсивно в системе общественных отношений, в демографических процессах, социальной структуре, культуре, быту, межличностных связях выражаются и сочетаются общие для народов СССР черты и их специфические особенности и в чем конкретно проявляется их своеобразие. Сегодня, когда наши представления о национальных процессах существенно расширились в значительной степени благодаря этносоциологическим исследованиям, нельзя не отметить, что такая постановка проблемы в общих чертах уже предопределила изучение важнейшей области жизни советского общества во всей ее сложности и противоречивости.

Публикация рецензируемой работы — заметное явление в советском общественно-научном процессе. Она завершает более чем 15-летнее исследование коллектива этносоциологов Института этнографии АН СССР, проведенное по программе «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения советских наций» (автор программы и руководитель исследования Ю. В. Арутюнян)¹. Советский читатель уже знаком с многочисленными вполне завершенными «эскизами» к социально-культурному портрету советских наций в виде коллективных и индивидуальных монографий, статей, докладов и других публикаций, отражающих региональные и частные аспекты исследования социальной структуры советских наций, межнациональных отношений, этноязыковых процессов, культуры и других вопросов. В специальной книге дано методическое обоснование названной программы². Основные научные положения этносоциологии достаточно апробированы в дискуссиях, в работе всесоюзных и международных конференций, в переводах трудов этносоциологов в зарубежных странах.

¹ Арутюнян Ю. В. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР (программа, методика и перспективы исследования) // Сов. этнография. 1972. № 3.

² Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Суколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984.